

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

Орган правления союза советских писателей СССР.
Выходит под редакцией В. Биццевского, А. Кулагина,
В. Лебедева-Кумача, М. Лищшина, Е. Петрова.
Н. Погодина, А. Фадеева.

58 (909)

Воскресенье, 24 ноября 1940 г.

Цена 30 коп.

Декада советской эстрады

Впервые в этом году по всему Союзу проводится декада советской музыки и эстрады. Этот замечательный факт с удовлетворением отмечают все, кому дороги судьбы нашего эстрадного искусства.

Наряду с кино, эстрада является одним из самых массовых и самых мобильных видов театрального зрелища. Начиная с периода гражданской войны и до наших дней, эстрадное искусство всегда служило народу, агитируя и развлекая, появляясь на самых передовых линиях огня, откладывая на самые злобившие темы и события.

Советский народ любит эстрадные зрелища, и любовь эта вполне заслужена.

Путь развития советской эстрады был труден и тернист. Дурные традиции, нурные вкусы и пережитки прошлого, недостаток внимания к эстраде — все это мешало ее росту и расцвету. Многие болезни нашей эстрады не изжиты еще и до сих пор.

Но теперь уже никто не станет отрицать, что, вопреки всем трудностям и помехам, советская эстрада за 20 с лишним лет своего существования послужила многонациональному советскому зрителю большую и почетную службу.

Писательская общественность в большом долгу перед эстрадой.

Если вопрос репертуара до сих пор является для эстрады «узким местом», в этом виновны мы, писатели. Если на эстраде мало творческой выдумки, если многие нужные и острые эстрадные жанры забыты или почти забыты, в этом опять-таки большая наша вина.

В нашем союзе долгое время существовало пренебрежительное отношение к эстрадному искусству, к так называемым «малым формам». Работа для эстрады совершенно несвоевременно считалась какой-то «второсортной», недостойной настоящего «мастера литературы». Люди, так рассуждавшие, забывали, что «малыми формами» сколько не изучались такие писатели, как Чехов, они забывали, что Маяковский писал «кантер» и «репризы» для клоунов, забывали о великом «малоформисте» Беранже, о том, что Мольер не гнушался писать либретто для комического балета.

О писателях, работающих для эстрады, об их творчестве считалось неизбывательным и даже неуваженным говорить ни в СССР, ни тем более на страницах печати.

Долголетняя и зачастую самоутверженная работа в области «малых форм» привела совершенно незамеченной и не отмеченной.

А между тем есть немало писателей, чьи труды этой области и качественно и количественно заслуживают того, чтобы о них поговорить, разобраться в их достоинствах и недостатках, оценить стиль и приемы, даже подвести некоторые итоги.

Имена Адуева, Арго, Ардова, Д'Актиля, Владимира, Квасильского, Левитина, Лепса, Пруткова, Пустынина, Тереведя, Типота, Тоболякова, Рыльшина, Филта, Шумской, Раскина и Слободского и многих других широки известны на эстраде. К нам можно прибавить еще солидный список поэтов-песенников, немало поработавших над созданием эстрадной песни.

Работа этих товарищей до сих пор никак не подвергалась широкому творческому обсуждению и никак не отмечалась в печати. А это сделать необходимо, чтобы показать, что писатели, работающие в области «малых форм», — это не как-то серая, безликая масса, которую можно только огнем ругать за все плохое, что появляется на нашей эстраде. Люди, сознательно, упорно и любовно работающие в трупном эстрадном жанре, должны быть отмечены не только для того, чтобы поднять их работу на более высокую ступень, но и для того, чтобы успевшее бороться с пошлостью, халтурой и бракадолами. А такие «авторы», к сожалению, еще есть на эстраде.

С общегодовым склонением всех «малоформистов» в одну кучу, с пренебрежительным отношением к эстраде и к авторам, работающим для эстрады, давно

Воспоминания о Л. Н. Толстом

Вечер памяти Льва Толстого, состоявшийся 21 ноября в Московском клубе писателей, собрал многочисленную аудиторию. Большой зал, хоры и лестница были заполнены людьми, с интересом и вниманием слушавшими воспоминания о посещении Ясной Полины, о встречах и беседах с великим русским писателем.

Вечер открыл В. Финк, преподававший первое слово. Лилиан, который прочел записи из своего дневника, относившиеся к посещению им в 1919 г. Яснополянского Дома-музея и могилы Толстого.

О своем знакомстве и последующих встречах с Толстым и о двух годах, проведенных им в Ясной Полине в качестве секретаря писателя, подробно рассказал И. Н. Гусев. Особенно интересными были его воспоминания о том, как проводил время Лев Толстой. Он вставал около 8 часов, убирал свою комнату, отправлялся на прогулку, возвращаясь, просматривал газеты, прочитывал письма и, выпив чашку кофе, засыпал в своем кабинете. Уединенный, сосредоточенный ворот, во время которого никто не смел входить в его комнату, продолжалась несколько часов. Даже музыка в отделенных комнатах дома отвлекала и мешала ему. После работы он застекал и сидел

вился гулять, иногда пешком, иногда верхом на лошади в леса, окружавшие Ясную Полину.

Вечерами Лев Николаевич занимался не так уж усердно, часто читал вслух.

— Однажды, — рассказывает И. Гусев, — на просьбу гостиивших в Ясной Полине почитать что-нибудь, он спросил:

— Что же вам прочесть?

— Конечно, Толстого.

— Ну, Толстого это скучно. Я прочту вам Анатолия Франса.

И прочел рассказ «Бренкебиль». Часто читал Пушкина, Достоевского, Лермонтова, из современных писателей — Куприна, а больше всех — Чехова, его рассказы «Луканка», «Злоумышленник», «Беда», «Попрыгунья», «Черный монах», «Палата № 6».

А. Тихонов, посетивший в 1904 г. вместе с группой студентов Льва Николаевича в Ясной Полине, прочел на вечере свои воспоминания об этом посещении.

Большое внимание в сорвавшихся приветствиях в бархатных комнатах клуба выставки на тему «Ясная Полина — место жизни и творчества Л. Н. Толстого».

После работы он застекал и сидел

А. МИЦКЕВИЧ
К 85-летию со дня смерти

Адам МИЦКЕВИЧ

Письма из России

В богатом литературном наследстве Адама Мицкевича его переписка занимает весьма значительное место. В ней трудно найти письмо, которое не дало бы дополнительного штриха к его биографии, в котором не заключалось бы какое-нибудь ценное высказывание по вопросам литературы или политики, которое не освещено бы новым лучом его творческого и жизненного пути.

Большой интерес представляют письма, относящиеся к периоду его пребывания в России. По ним можно проследить, как утверждалась взгляды Мицкевича на развитие литературы, с какой глубокой мудростью проникал он в судьбу произведений, какие высокие задачи он ставил перед писателем. Одновременно они говорят о том, какая полноценной творческой жизни жил Мицкевич в России. Свободный от какого бы то ни было национализма, Адам Мицкевич сумел объективно подойти к явлению литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, он черпал силы для самовыражения в качестве законного вождя польского романтизма. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в настоящее время имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шиллера и Мура, с которым Мицкевич поддерживал наиболее оживленную переписку. Перевод писем и комментарий М. Живова.

А. Э. Одинцу... В России две литературоведческие группы: петербургская и московская. Их органами и, можно сказать, хранителями их школ и мнений являются журналы. Московская группа в наст

оящем времени имеет перевес и в свою очередь делится на группы. Наиболее старый журнал «Вестник Европы», некогда редактировавшийся Державинским и Жуковским, ныне ведется Каченовским, но потерял свое влияние, печатает теперь почти одни лишь статистические и исторические статьи; имеет как-будто погодные подилички, которые застали в русской литературе в этой среде, которую он с горечью противопоставлял косной и застойной варшавской литературной жизни, которые застали в России, оценив тот творческий подъем, который наблюдался в русской литературе. В этой среде он находил то понимание его творчества, которого не могли обнаружить склонные и невежественные «варшавские критики и рецензенты». Именно это и определило становление душевного равновесия и творческого подъема, который он обрел в России.

Публикуемые письма адресованы тонариям по виленскому университету и кружку «филоматов». А. Э. Одинец —польский поэт и переводчик Байрона, Шил

Токтогул Сатылганов

3. ШАКИРЖАНОВ

Сам пароду, ишап, скажи,
Не является ли чалма
Только вельеского ханзы,
Только признаком вечной лжи
Боготчимых духовных лиц
И правы разбойной всей
Вымогатель и враг,
Сочинителей небылиц?

(Перев. Л. Руст.)

Усыпав эту песню, волостной управитель закричал: «Зачем ты оскорбляешь моих гостей. Если хочешь петь, то пой хвалебную песню». Токтогул ответил песней:

Много песен, знай, волостной.
По аланам земли родной
С юных лет было пето мной...

(Перев. Л. Руст.)

В своих песнях Токтогул создал яркий образ бедника-кесея, смелого, вольнолюбивого, поднявшего свой голос против кабалы манапов и царского гнета. Этот образ сражавшегося, но всегда готового к борьбе кесея был создан акыном не случайно — это образ самого поэта.

Ни одного акына так не любили народ, как Токтогул. Его всюду приглашали на праздники и народные собориа. Смелое, правдивое слово, веселая дружеская шутка, язвительная насмешка над манапами и попами, лирическая песня — все это находило живой отклик в слушателях. Манапы его боялись. Они хотели его обезоружить, сделав приговором певцов. Но Токтогул остался верен своему народу. Тогда манапы нашли другой способ избавиться от неизвестного акына. Они обявили его участником возглавляемого религиозными фанатиками Айланская восстания, к которому Токтогул не был причастен. Летом в 1898 году Токтогул был арестован и приговорен к повешению. Впоследствии смертная казнь была заменена ему каторгой. Так царское правительство с помощью манапов расправилось с любимым акыном киргизского народа.

Скорый полуторагодичный путь по этапам в Сибирь воспел акыном с искромечательной силой. Его дух не сломили ни побои конвойных, ни холода, ни голода. Он пел:

Народ мой, как ты рыдал:
«Ушел певец Токтогул,
Кузгун словом поймай!»
Друг друга тень найду,
Чтоб лучше свою согреть?
Но верю — снесу беду.
Народ мой, и вновь приду
Беек сквозь обман и смерть!

(Перев. П. Семёнина).

О жизни Токтогула на категории лучше всего рассказало в песнях самого акына. Нельзя без волнения читать такие произведения, как «Песни узника», «Встреча Токтогула с Ишамбетом», «В изгнании». Неизмерима тоска акына по родному народу. Из глаз, говорит акын, не слезы, из крови лизась, когда вспоминает Тебя, мой родной киргизский народ. Живущий среди белоснежных высот.

(Перев. Д. Бродского).

Его жгучая тоска по родине, по свободной песне вызывает у категорий сочувствия. Ему покупают балалайки, которую он превращает в комуз. И вот в троих раздаются новые песни акына. В них он олицетворяет свою яростную субиль, но вместе с тем стремится стать выше жизненных невзгод. В этой сложной внутренней борьбе побеждает жизнерадостный дух акына. В его творчестве ясно намечается водораздел между тоской, порожденной рабским строем, и вечной прелестью жизни. В эти годы наряду с потрясающими по драматической силе песнями о погибшей юности, он вдохновенно поет о своей любви к народу, о своих надеждах снова стать его соловьем. Близость Токтогула к народу особенно

ярко чувствуется в мелодиях солнечных им песен. Эпическая уравновешенность, стройность формы с проступающими волнистыми душевной изыскованности и тоски могут служить образцом стиля Токтогула.

В 1910 году Токтогул бежал из Сибири. После долгих скитаний он увидел, наконец, родные места. Здесь он узнал об уходе жены, но дождавшись его возвращения, и о смерти дорогого сына. Казалось, что израненное сердце акына не выдержит такого удара. Он пел:

Тяжела одиночных печаль
И, как занахи мыть, остра.
Как засохший куст, по почам
Олингий сидит у костра.
Скачет он, изнурив коня,
Встречать некому в жизни его.
Он умрет, упадет с коня,
И никто не оплачет его.

(Перев. В. Гусева).

Со всех деревень и урочищ съезжались бедняки-киргизы, чтобы приветствовать своего любимого акына. Весенародная любовь вернула Токтогулу силы для творчества. Народ его оберегал. И когда в 1916 году манапы донесли властям о месте пребывания беглого акына и Токтогул был схвачен и посажен в тюрьму, бедняки собрали деньги и взяли его на поруки.

После возвращения из ссылки началась новая полоса творчества акына. Он пытался раскрыть глаза беднякам, обясняв им необходимость социального переустройства. В тюрьме, общаясь с утенными людьми различных национальностей, он проникся идеей интернационализма, и эта идея сквозит в его новых песнях.

Октябрьскую революцию Токтогул встретил восторженно:

Наступила такая пора,
Что все спе не видят,
Народ, счастье твоё настало,

Рванься, как аргамак!

В 1919 году он создает свою лучшую «Песнь о Ленине». С особенной силой проявился в творчестве Токтогула пытка не покидавшая его оптимизм и жизнерадостность. Он снова возвращается к любовной лирике, воспевая высокие человеческие страсти. Он поет о молодости и жалуется на то, что ее вернуть нельзя. Но в этих жалобах чувствуются любовь к жизни и радость за молодое поколение. Он поет о бессмертии народа:

Скажут: умер акын Токтогул...
Он заснул, народ не засну!
Он замолк, а песни его
Весь киргизский народ затянул!

(Перев. С. Липинки).

Верхом на коне разъехал Токтогул по своей стране, вдохновляя песнями строителей каналов и дорог. Враги, разоблаченные в песнях Токтогула, пытались заставить его замолчать. Их попытки потерпели крах. Свободный наезд в свободной стране. Токтогул был полон творческих сил, он как бы переживал вторую юность. Его талант расцвел. Уже будучи глубоким стариком, он говорил: «Хотя бы оторвалась моя честь, — я не могу погасить света моего народу».

В 1919 году он создает свою лучшую «Песнь о Ленине». С особенной силой проявился в творчестве Токтогула пытка не покидавшая его оптимизм и жизнерадостность. Он снова возвращается к любовной лирике, воспевая высокие человеческие страсти. Он поет о молодости и жалуется на то, что ее вернуть нельзя. Но в этих жалобах чувствуются любовь к жизни и радость за молодое поколение. Он поет о бессмертии народа:

Скажут: умер акын Токтогул...

Он заснул, народ не засну!

Он замолк, а песни его

Весь киргизский народ затянул!

Он пел:

Народ мой, как ты рыдал:

«Ушел певец Токтогул,

Кузгун словом поймай!»

Друг друга тень найду,

Чтоб лучше свою согреть?

Но верю — снесу беду.

Народ мой, и вновь приду

Беек сквозь обман и смерть!

(Перев. П. Семёнина).

О жизни Токтогула на категории лучше всего рассказало в песнях самого акына. Нельзя без волнения читать такие произведения, как «Песни узника», «Встреча Токтогула с Ишамбетом», «В изгнании». Неизмерима тоска акына по родному народу. Из глаз, говорит акын, не слезы, из крови лизась, когда вспоминает Тебя, мой родной киргизский народ. Живущий среди белоснежных высот.

(Перев. Д. Бродского).

Его жгучая тоска по родине, по свободной песне вызывает у категорий сочувствия. Ему покупают балалайки, которую он превращает в комуз. И вот в троих раздаются новые песни акына. В них он олицетворяет свою яростную субиль, но вместе с тем стремится стать выше жизненных невзгод. В этой сложной внутренней борьбе побеждает жизнерадостный дух акына. В его творчестве ясно намечается водораздел между тоской, порожденной рабским строем, и вечной прелестью жизни. В эти годы наряду с потрясающими по драматической силе песнями о погибшей юности, он вдохновенно поет о своей любви к народу, о своих надеждах снова стать его соловьем. Близость Токтогула к народу особенно

пишет Абдула Магомедов. «Мне 63 года», — сказал недавно Гамзат Цадасса, — «но из этой жизни я вы汲取 40 дореволюционных лет и буду работать с эмгерий 23-летним юноши».

Промежуточное положение между «стремлением» и молодыми писателями республики занимает талантливый лакский поэт Абуталиб Гафуров.

В прошлом неграмотный кустари-кульщик, Гафуров начал слагать стихи лишь в 1932 году. Но уже первая песня Олене Салавату, его имя популяризованные в массах. Оригинальный и самобытный художник, Гафуров стал одним из самых любимых поэтов Советского Дагестана. В наступившее время он — народный поэт республики.

За двадцать советских лет не только окреп и расцвел талант «стариков», но и появилась в Дагестане целая школа молодых талантливых поэтов и прозаиков. Абдул-Бага Сулейманов, Мини Бахшиев, Алишана Салаватов, Эффенди Каилов, Амвар Алиев, Заги Гаджиев, Атагаев, А. Фатахов, А. Омирзаев, М. Даашев, Ю. Ханпаев, Р. Ди-Магомаев, Г. Задалов, Х. Авшалумов и другие пользуются в республике заслуженной известностью.

Молодая кумыкская литература своими успехами во многом обязана дагестанскому поэту Абдул-Бага Сулейманову. Такие стихи Сулейманова, как «У мавзолея Ленина», «Горы», «Вечерняя заря», «Наши строители» и многие другие, обогатили кумыкскую литературу новыми образами и чувствами. Кроме маленьких лирических стихов, Сулейманов написал большую повесть «Минувшие дни» — о пробуждении кумыкской женщины, порвавшей со своей кумыкской семьей ради свободы и любви.

Полугенеральный дагестанский поэт Батыр долгое время оставался совершенно неизвестным широкому кругу читателей. Теперь, благодаря переводам Капиева, он приобрел заслуженную известность. То же самое можно сказать и о поэме аварского классика Махмуда из Бетль-Хакаб-Россо-Марии и об аварской героической песне «Хазбар», блестящей перевоплощением кумыкской женщины, порвавшей со своей кумыкской семьей ради свободы и любви человека.

Безвременно умерший выдающийся лезгинский поэт Алибек Фатахов первый из дагестанских поэтов вдохновился индустриальным темой, посвятив ей свою поэму «Харин Гасан». По обрывистой тропинке, по тропинке каменистой, торопливо, шагом прохожий — стройный молодой лезгин. На плече несся хурижны, то шагал он быстро-быстро,

и неистощима молодость моя.

Литературная газета № 58

Новеллы А. Дермана

Первое собрание вновь организованной секции писателей, работающих в области рассказов и художественного очерка, почти полностью было посвящено чтению и обсуждению новелл А. Дермана, называемых им «Разрозненные страницы». Это — короткие рассказы, своеобразные воспоминания о старой жизни, о людях прошлого времени.

Собравшиеся по-разному восприняли эти новеллы. К Паустовскому, С. Кржижановскому, И. Москвину, С. Гехту, М. Левандову, Л. Лагину, Н. Шильяр и Ос. Чорным — всем разнообразием их высказываний — положительно отнеслись к прочитанному А. Дерману. Они нашли, что эти «зарисовки» и «разрозненные страницы» — законченные художественные произведения. Они обогащают наши представления о старой жизни, будят мысль читателя, заставляют задуматься над вещами, казалось бы, несущественными, над самим деле очень существенными, над словами, подлинными смыслами которых утрачены и стерты со слишком часто употребления. Выступавшие отмечали участие автора не фотографически воспроизвести факт, но «помогать» ему, подчеркнув в этом факте ту идею, ради которой он рассказал.

Диаметрально противоположное мнение о рассказах А. Дермана высказали И. Меньшиков, Е. Зоуалиев, В. Кудашев и А. Тарасов. Они отрицали, какие бы то ни было достоинства новелл, утверждая, что это еще не художественные произведения, а лишь «литературица», которая никакими мыслями не будет; кроме того жестокости и беспросветности жизни, показанные в рассказах А. Дермана, оставляют тягостное впечатление.

Вполне естественно, что собрание, где встретились люди столь различных литературных вкусов, не обошлось без полемики. Доказано только, что не всегда эта полемика происходит на уровне, умеющем в творческом соподчинении писателей, а иной раз переходит в приступ в окрик.

Надо ли говорить, что выступавшие в зале не только запутались в вопросах, они не дали себя подкупить, как многие другие. Но хотел и не мог оторваться от народа, из недр которого вышел и ради которого трудились:

Александр РОММ, А. УСМАНОВ

Мажит Гафури

Еще Гете говорил, что настоящий человек в своем смутном стремлении, отлично чувствует правый путь.

В 1915 году, в разгар империалистической войны, корректор татарской типографии в губернском городе Уфе написал такое стихотворение:

Кто он, кого ты заколол, сочтя врагом своим?

Кто он, который пред тобой лежит в кроне и недвижим?

Скажи мне, что делали вы? Скажи,

ты знаешь ли, кто он?

Нет, нет, не знаешь ты его, при перво

вой встрече он сражен!

Скажи, ты отомстил ему, убил его в осеннеей мле?

А после этого, скажи, просторней ста

ло на земле?

Нет, нет,

Пока ты только раб, к свободе твой

не выйдет путь!

Нет, ранее всего, мой друг, ее хозяин-

том ты будешь!

(Перев. П. Панченко)

Человек, написавший эти строки, Мажит Гафури, родился в 1890 году в башкирской деревне, учился в схоластической мусульманской школе, рано увлекся литературой, отработав ради хлеба в батраках, то на золотых признаках. Революция 1905—1906 годов сделала его революционным поэтом, стихами которого зачитывалась башкирская и татарская труппа.

Татаро-башкирская буржуазия отклинулась на появление Гафури и не раз пыталась приобрести его, но не только запуталась, но и подкупить его. И после Великого Октября буржуазные националисты собрали деньги, уговорили уехать за границу, уговаривали расправиться с ним. Но Гафури оставил верен народу, за счастье которого боролся всю жизнь.

В 1919 году, находясь в Уфе, где царствовал Колчак, и напряженно следя за всеми перипетиями боя,

К дискуссии о книге Ю. Юзовского

Дискуссия, развернувшаяся на страницах «Литературной газеты» и «Большой публицистической прессы», по поводу книги Ю. Юзовского «Драматургия Горького», естественно должна вызвать в читателе чувство неудовлетворенности.

Разговор о книге, где поставлена проблема всей драматургии Горького, свелся почти целиком к спору о некоторых положениях, высказанных Ю. Юзовским в статье о пьесе «На дне».

Книга Юзовского, противоречивая, во многом небрежная, во многом яркая, несомненно заслужила лучшей участии. В ней есть материал для разговора по существу — о творчестве Горького, о путях советской литературы и критики.

Почему же участники спора сузили его?

Нам кажется, что здесь есть одна общая причина, заключающаяся в отсутствии у нашей критики культуры спора.

Дискуссия о проблемах советской литературы — не частное дело спорящих. Удара критики — это удар советской литературы, работниками которой все мы являемся. И ошибки критика — это ошибки советской литературы, за жизнь, за развитие которой все мы отвечаем.

Чувство общественной ответственности за работу всей нашей литературы должно определять собой нашу индивидуальную работу. Только тогда наши литературные споры пойдут по правильному пути. И только тогда наши критики, защищая свое мнение, не станут уже обращаться только к противнику или кружку «большевиков», а будут говорить со всей литературой общественностью, с читательской массой.

Несомненно, что такое отношение к слову изменят и самый тон наших дискуссий. Вместо намеков и острот, часто левые, вместо нарочитой непонятливости и стремления отлучить противника в дискуссионных статьях появится та объективность, та полнота остроты и непримиримость, которая направлена в первую очередь против ложной идеи.

В том, что разговор о книге Юзовского начался мимо существа дела, в той или иной мере виновны все участники дискуссии. Все они забыли о том, что книга Ю. Юзовского существует сама по себе, вне зависимости от тех упреков или восхвалений, которых достойны или недостойны отдельные ее положения. В Ермилове выразился из этого контекста книга лишь две статьи, положительно отозвалась о статье «Враги» и резко раскритиковала ошибки статьи «На дне». Но так как он попал в материале эмпирическим, то для читателя остались неясными, чем обусловлены удачи и ошибки Ю. Юзовского. Несколько этого осталось и значение этих ошибок для оценки всей книги в целом.

А разве В. Ермилов решится утверждать, что в книге Юзовского есть только схематизм и совсем нет удачных мыслей и обобщений?

Разне не любопытно то, сопоставление активности, «жизнелюбия» Нила и Черкауса, которые даны в статьях о «Ментаках» и о «Варварах?» Ведь оно раскрывает и комментирует горьковское понимание сложной диалектики «прогресса». Разне не намечена в книге Юзовского история двусторонней борьбы Горького против «моряков господ» и против рабской «моряков жалости»?

С другой стороны, разве не связано со схематизмом книги Юзовского то понимание горьковского романтизма, которое

мы отнюдь не преувеличиваем на то, чтобы исчерпать несколькими белгами замечаниями идейного содержания книги Ю. Юзовского. Мы только хотим этим сказать, что ряд более органических для его книги проблем мог бы послужить предметом для дискуссии, плодотворной и полезной для всей советской литературы.

В. Ермилов дискуссию сузил.

Оппоненты его — Ю. Юзовский, Ф. Леонидов, Н. Четунова — не исправили его ошибки, не превратили спор об отдельных положениях в обсуждение всей работы Ю. Юзовского.

К этому спору мы и должны обратиться.

Сущность разногласий между В. Ермиловым и его оппонентами вполне ясна: единая система к различному толкованию двух образов пьесы «На дне» — Сатина и Клеца.

Разногласия в толковании третьего образа — странника Луки, повидимому, сняты. Н. Четунова признала формулировку Ю. Юзовского — «Лука это прошлое России» — неправильной. Ф. Леонидов умолчал о нем, сам Ю. Юзовский в ответе В. Ермилову обещал ее с помощью нее включить в пьесу.

По всяком случаю мы с удовлетворением можем отметить, что хотя бы Н. Четунова отвергает неправильность, нерешившую формулировку Юзовского, которая обективно может быть понята, как отождествление всего прошлого нашей страны, наше культурное и идеологическое рабство, анатомическую пассивность, духовной массы.

Итак — остаются Сатин и Клец. Оговоримся сразу — толкование этих образов Ю. Юзовского мы будем заниматься только из его книги, так как в его «Ответе Ермилову» мы не обнаружили ни «символики», ни «обобщений», а одну лишь заслыванную.

В книге своей т. Юзовский говорит о Сатине следующее:

«Горький выстроил как художник свою точку зрения, своего Сатина, от пробраза Сатина, которая дана в книге Юзовского: «Если Лука есть прошлое, то Сатин — будущее, то есть идея прошлого и идеи будущего, прошлая Россия и будущая Россия». Далее, также вполне логично — для хода своей мысли, для своего понимания образа — Ю. Юзовский устанавливает «кровное родство» между Сатином и революционным пролетарием Нилюм (стр. 115).

Все эти утверждения т. Юзовского, к части его, не подкреплены никакими авторитетами. Зато Ф. Леонидов, называя Сатина «положительным героем», за которым стоит сам Горький, ссылается на высказывание М. Горького о знатеми именами этого человека.

Еще более «хватают в сторону» те юноши, которых опиряется на Сатина. Их ошибки, стоящие у корня, не способны на действие, на черную работу, необходимую для ее воплощения.

Как же оценивал Сатина, а не монолог, не проповедь Сатина сам Горький?

«Между «бывшими людьми» и «бывшими людьми», изображенных Горьким, Праги, Берлина, Парижа и я вижу иного различия, кроме формально-сюжетного. «Проходящим Протом и Философствующим»

и «бывшими людьми», изображенных Горьким в прессе, сопоставляются с героями на часах, способными понять высокую мечту, но не способными на действие, на черную работу, необходимую для ее воплощения.

Именно таким же образом Горький, не органическим носителем горьковской мечты, о горючем человеке и является Сатин. Об этом совершенно неумышленно говорит в письме к Шекспиру сам Горький.

Об этом же вполне правильно и точно говорит в своем ответе Юзовскому Ермилов.

Но есть в образе Сатина и другая сторона, которая дала Горькому право показать современное его восприятие Сатина — белогвардейского разбоянина.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Британия буржуазного лигнериума, превращенная в собственнической психологией сложной созидающей коллектива, в сущности оправдывая их бытие. Это их пресечь, служба. Роль прислузы господ уводит против них.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям, где Горький подробно разбирает свое юношеское отношение к «бывшим людям». Отношение это было очень сложным, вероятно, еще более сложным, чем это показано в статье Горького.

Бывшие люди были побеждены — пусть в индивидуальном и индивидуалистическом борьбе против «нормальных» захватом общественного общества, всю прелест которых Горький — трудовой человек — узнал на практике.

Словно эти могут на первый взгляд показаться несогодными, даже ощемленными. Однако стоят они не в случайном контексте, а в статье, обращенной к молодым писателям

